

94-5
392-4 а

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 4

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
четвертой международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения А. П. ПЛАТОНОВА

19–22 сентября 1999 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2000

Роберт Ходел (Гамбург)

ЧЕВЕНГУР И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

Несмотря на появление новых произведений и записей, рецепция платоновского творчества последних лет не стала единообразнее. Платонов все еще слывет и фундаментальным критиком утопических начал, и апологетом «грехов юности», и анархистом, и даже соцреалистом. На уровне текстологии эта неопределимость автора конкретизируется, например, в датировке плана неизвестного романа «Зреющая звезда»: «Если предположить, — пишет Колесникова, — что план был создан незадолго до “Чевенгура” и “Котлована”, то “охлаждение” автора к революции был не постепенный процесс, а резкий кризис. Если же отнести это произведение к “посткотлованскому” периоду, то, скорее всего, пришлось бы поверить Платонову, что он и в “Чевенгуре” не отказывался от социалистических идеалов»¹. Виктор Ерофеев в 1994 г. в Пражском университете отнес это разногласие к самому автору, называя Платонова, вместе с Гоголем, «идиотами», которые не знали, какие они создали гениальные произведения. Но и в этом суждении проявляется известная традиция. По отношению к роману «Чевенгур» она исходит из замечания Литвина-Мологова о «Строителях страны»: «Впечатление таково, что будто автор задался целью в художественных образах и картинах *показать* несостоятельность идей возможности построения социализма в одной стране (курсив здесь и далее наш. — Р. Х.)»². Настораживает тут слово *будто*, которое указывает на возможность расхождения имплицитного и исторического авторов. Однако представление о том, что авторские намерения в процессе писания превращаются в противоположное, не совсем может удовлетворить литературоведа.

Предстоящими размышлениями мы попытаемся преодолеть или, скорее, сгладить это разногласие³. Попытка основывается на разделении Чевенгурской утопии на два разных начала — на «коммунизм Чепурного», как утверждается в тексте, и на «Два-новский Чевенгур», т. е. на образ жизни, который возникает

после прибытия Александра Дванова в степной город. Идеологическим фоном расхождения при этом является спор Розы Люксембург с русским централизмом.

Бесспорно, что махинации Чепурного и Прокофия в Чевенгуре осуждаются самим автором. Механическое осуществление бесклассового общества истреблением всего городского населения ведет лишь к *перераспределению* частной собственности⁴. В лице Прокофия и Клавдюши нарождается тот новый имущий класс, который Платонов раскритиковал уже в 1921 г. в «фельетоне о стервецах» «Душа человека — неприличное животное», где с презрением говорил о введении нового порядка *официальными революционерами в полном облачении*. На уровне текстологии признаком «первого Чевенгура» является тенденция к нейтральному повествованию. Оно особенно ярко проявляется в весьма для платоновского творчества редком приеме — в психологических объяснениях поступков героев. О Пиюси, например, мы узнаем, что он до назначения председателем чрезвычайки работал двадцать лет каменным кладчиком. Этим замечанием автор дает понять, что жестокая деятельность героя, в отличие от Чепурного или Копенкина, коренится в личных переживаниях, т. е. лишается объективного основания. Симптоматично для «первого Чевенгура» и взаимоотношение революционных лидеров. Идеологическая голова города Прокофий свободно пользуется бедственным умственным положением Чепурного: он отбил у него даже супругу, в зависимости от настроения которой и «формулировал всю революцию». Прокофий, в отличие от своего сводного брата Александра, обладает точным знанием, дающим ему право на планомерную перестройку действительности. Более того, он сохраняет связь с центром администрации. Его сожительница Клавдюша — двенадцатый член ячейки, т. е. своего рода Иуда, — мечтает даже о прямом переезде в Москву. Убедением, что при любой организации «не думает более одного человека», Прокофий приобретает явно реально-сатирические черты. Напомним, что в 1926 г. Сталин, удостоверившись в том, что нет политического решения без «ведущей инструкции партии», пришел к заключению, что «диктатура пролетариата есть, *по существу*, “диктатура” его авангарда, “диктатура” его партии...»⁵

«Двановская коммуна» по всем значимым признакам романа резко отличается от «коммунизма Чепурного». В Чевенгур возвращаются работа (ремонт домов, забота о запасе на зиму, ирригация), наука (использование солнечной энергии), оборона, искусство (живопись, скульптура, литература)⁶ и вареная еда. В то время как прежде солнце освободило коммунистов от земного труда, чевенгурцы теперь сами хотят «трудиться не хуже природы и деревянной машины». В городе распространяется дух примирения. «Старое буржуазное кладбище» больше не возбуждает ненависть, как прежде душа убитых горожан, которую Пиюся убивал в горле вторым выстрелом; Дванов и Гопнер разбирают кресты, потому что не хватает строительного материала на сооружение плотины. Завоеватель революции Копенкин впрягает свою боевую лошадь в плуг, а Пиюся заменяет наган лопатой. Даже Прокофию, который среди общей заботы друг о друге «стал собирать имущество вместо товарищей», не желают горя. «Пускай находится среди коммунизма, он сам на людской состав перейдет», — рассуждает Копенкин. Бессмысленные притязания на вечный рай на земле заменяются известной прагматикой. В то время как смерть ребенка служила доказательством отсутствия коммунизма в Чевенгуре, Яков Титыч примиряется со своей мучительной болезнью тем, что «думает» о молодой жизни тринадцатилетнего Егория. На вопрос Сер-

бинова, есть ли горе или грусть в Чевенгуре, Дванов отвечает, что «горе или грусть это тоже тело человека».

Итак, «Двановский Чевенгур» представляет коммуны свободных от иерархии и идеологических принуждений людей. Следуя за утверждением М. Золотоносова, ее можно именовать «спонтанной коммунистас» в смысле Виктора Тэрнера, т. е. той непосредственной и спонтанной ассоциацией людей, которая противостоит укрепленной, обусловленной контрактом *социальной структуре*.

Популярность Розы Люксембург в России периода гражданской войны подчеркивается многими платоноведами⁷. Она проявляется, например, в празднике «трех Л.» (Ленин, Либкнехт, Люксембург) или в переводе книги «Накопление капитала» (1923). О раннем интересе Платонова к данной марксистской струе говорит опубликованное в 1921 г. в «Воронежской коммуне» стихотворение «Последний шаг». Лирический герой этого стихотворения воспринимает смерть Либкнехта и Люксембург, которых он называет «братом» и «сестрой», как шаг к бессмертию будущего человечества.

Существенная для анализа романа разница между Люксембург и русским большевизмом относится к роли народных масс в историческом процессе. Масса для Люксембург — настоящая личность истории. Роль революционных лидеров, следовательно, ограничена. По Люксембург, в России особенно велика традиция стихийных движений, — «от себя» вспыхивающих массовых забастовок, «творческих актов экспериментирующей классовой борьбы». «Бессознательное» здесь, пишет Люксембург в статье «Вопросы организации русской социальной демократии»⁸, реплике на ленинский трактат «Шаг вперед, два шага назад», «предшествует сознательному, логика объективного исторического процесса субъективной логике его деятелей». Показателен в этом отношении образ моря для психики массы, стихийность и мертвый штиль которой штурман должен учесть в своем курсе⁹. В этой же статье Люксембург определяет ленинскую позицию как «ультрацентралистическое направление русской партии». «Жизненный принцип» этого «беспощадного централизма» она видит, с одной стороны, в «резком обособлении организационной группы действующих революционеров от их окружающей, если даже и не организованной, но революционно-активной среды; с другой стороны, в жесткой дисциплине и непосредственном, решающем вмешательстве центральной власти во все жизненные проявления локальных организаций партии, порой даже в личный состав каждой русской локальной организации начиная с Женевы и Лютиха до Томска и Иркутска»¹⁰.

Подчиненность одной, строго организованной власти, «которая сама за всех думает и решает» (определение Люксембург), она рассматривает как «механический перенос организационных принципов бланкистского движения с кружков заговорщиков на социалдемократические движения рабочих масс»¹¹.

При этом проступки, совершенные «истинно революционным рабочим движением, исторически неизмеримо плодотворнее и ценнее, чем непогрешимость наилучшего «Центрального комитета»»¹².

Несмотря на то, что во «втором Чевенгуре» двоевластие Чепурного и Прокофия вытекает из Копенкиным и Двановым, функции обеих пар резко расходятся. Прокофий убежден, что революционный вождь имеет полное право выдавать массам «имущество и счастье» «частичными порциями». (Ср. также аргумент Прокофия против выступления старика-прочего: «Мы же — главный орган, а старик при-

шел из ненаселенных мест, ничего не знает и говорит, что мы — не главные...») Дванову с Копенкиным, напротив, удается вызвать общее движение без явной организации, включая пролетариат в лице Якова Титыча как самостоятельного деятеля. При этом Копенкин скорее представляет массу, на что указывает то обстоятельство, что его ведет лошадь — символ бессознательного. (О душевном устройстве героя сказано, что «Копенкину ничего не снилось, потому что у него все сбывалось наяву».) Дванову же принадлежит роль «штурмана», особенно в тех ситуациях, где Копенкин спешит ликвидировать ненавистные ему учреждения и людей (например, коммуну «Дружба бедняка» или самого Прокофия). Однако Дванов, стремясь полностью «почувствовать желания» других людей, не столько исполняет роль главного командующего, сколько роль катализатора. Копенкин, который верил, «что люди сами справедливо управятся, если им не мешать», нередко даже оказывает на него непосредственное влияние. Он, например, побуждает его вырубить Биттермановское лесничество, и, что для дальнейшего хода действия особенно важно, он уговаривает его прекратить контакт с административным центром. (Когда Дванов собирается послать отчет в губернию, чтобы узнать, что там делается, Копенкин возражает: «И знать нечего: идет революция своим шагом...») Копенкин в романе открыто выступает против централизованной власти. Он — рыцарь революции *снизу*. Как выражение сопротивления централизму мы понимаем и сцену в степи, когда он грозит голому кусту: «...если Роза тебе не нужна, то для иного не существуй — нужнее Розы ничего нет». Копенкин считает себя не властью, а «природной силой». Многозначно в этом смысле его воображение при виде портрета Розы в одном волостном ревкоме: «Он присмотрелся к ее розовым щекам и подумал о пламенной революционной крови, которая *снизу* подмывает эти щеки и все ее задумчивое, но рвущееся к будущему лицо».

Сначала критика большевистского централизма и ленинизма прозвучит в романе иронично. Нестарый мужик ободряет бывшего крестьянина, который питается теперь непосредственно почвой: «Тебе б пора Лениным стать, будя богом-то!» На вопрос Копенкина, кто дал ему своевластие, полномочный волревкома, Достоевский отвечает: «Да я ж тут все одно что Ленин!» Не менее остра фраза приказчика лавки: «Дождались: Ленин взял, Ленин и дал». Характерен авторский комментарий фразы — «покрывая грехи “военного коммунизма”». Ставя исторический термин «военный коммунизм» в кавычки, автор вступает в открытую полемику со своим героем. В столкновении с Копенкиным и Яковом Титычем, наконец, и Чепурный убеждается в том, что Ленину, который сидит на Валдайских горах, «пора не писать, а влиться обратно в пролетариат и жить». Он чувствует в себе жжение стыда, когда Яков Титыч упрекает его в том, что они с Прокофием говорят «важно», будто они сидят «на бугре, а прочие в логу». Таким образом, «второй Чевенгур» становится местом, в котором централизованная верхушка со своей организационной структурой и батрацкий, анархистский и разрозненный овраг, образно говоря, сливаются в ровную степь. Придерживаясь обсуждаемой идеологической подоплеки, можно найти и объяснение фатальной вырубке Биттермановского лесничества, которая для мелиоратора и автора статьи «Человек и пустыня»¹³ являлась святотатством: «проступки базиса исторически важнее, чем непогрешимость ЦК».

Разделение романа на две утопии, на «коммунизм Чепурного» и на «Двановский Чевенгур», позволяет истолковывать произведение и как сатиру на реально существующий советский строй, и как защиту того социализма, за которым стоит

имя Люксембург. Неизбежен, кажется, тут широко обсуждаемый вопрос о так называемых «кадетах» в конце романа. Прибавим к общей дискуссии¹⁴ лишь текстологический аргумент: имена «казаки» и «кадеты» прозвучат всего один раз, в устах Чепурного, который в данный момент видел всадников только издалека. Автор-повествователь, за одним исключением, употребляет нейтральные в данном смысле названия (солдаты¹⁵, наступающий отряд, воин, всадник, кавалерист, или, с точки зрения воюющих героев, враги, противники, банда). Единственное исключение — слово «буржуазия» — появляется в персональной форме косвенной речи Пашинцева, т. е. того персонажа, который убежден, что «в девятнадцатом году у нас все кончилось — пошли армия, власти и порядки»¹⁶. В 1919 г. VIII съезд партии провозгласил «полное господство» партии над государственными организациями, в том же году умерла и Роза Люксембург.

Итак, интерпретация романа как противоборства двух коммунистических начал способна снизить в известной мере «амбивалентность платоновского пафоса»¹⁷. Остается, однако, немало открытых вопросов. Один из них касается единства места действия. Является ли истребление чевенгурского населения в «первом Чевенгуре» необходимым условием «Двановской коммуны»? В подобном этому вопросе колебалась сама Люксембург. Хотя она была убеждена, что социализм нельзя навязать указами, что самое главное — быть добрым, в «ряде насильственных мер — против имущества и т. д.» она видит предпосылку социализма. В трактате «Русская революция» она пишет:

«Отрицательное, разрушение можно декретировать, а восстановление, положительное нельзя. Тысяча проблем. Только опыт в состоянии исправлять и открывать новые дороги. Только лишь бурно кипящая жизнь распадается на тысячу новых форм, импровизаций, освещает творческую силу, исправляет все промахи. Общественная жизнь государств с ограниченной свободой потому так скудна, убога, схематична и неплодотворна, что она ограждает себя тем, что исключает демократию — живой источник всех духовных богатств и прогресса»¹⁸.

Против истолкования, что насильственный режим Прокофия и Чепурного является предпосылкой «Двановской коммуны», говорит, однако, явно отрицательный характер главного организатора. Другой вопрос вытекает из высказывания самого Копенкина. Почему к концу романа Копенкин предпочитает Розу Люксембург жизни в Чевенгуре? Остается ли тот социализм, о котором мечтают самоотверженные герои, вечным городом на дне озера и, следовательно, «Чевенгур» — романом, который показывает несостоятельность социализма в стране? Видно, что «Чевенгур» произведение такого масштаба, где нельзя все мерить одной меркой. Роман, напротив, заставляет задуматься о самой концепции имплицитного автора. Понятие «имплицитный автор», ведь, исходит из представления, что есть синхронное единство всех аргументов в одном тексте, которыми автор полностью обладает. В романе «Чевенгур», который писался годами, этой формуле противостоят разные исторические авторы. Известно, что роман составлен из фрагментов, которые отчасти были написаны еще в первой половине 1920-х гг. Если предположить, что где-то в середине 1920-х гг. произошло «охлаждение» Платонова к революционным происшествиям, то необходимо учитывать, что возникают разногласия между разными фрагментами не только на уровне стилистики, но и идеологии. Тем не

менее в романе преобладает общая тональность. В терминологии Тэрнера ее можно истолковать как *нескончаемую тягу к спонтанной коммунитас*, которая сопутствует сознанию, что осуществленная *коммунитас* непременно переходит в социальную структуру.

¹ Колесникова Е. Рукописное наследие А. Платонова в Пушкинском Доме // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 207–264.

² Литвин-Молотов Г. <Письмо А. П. Платонову> // Андрей Платонов. Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994. С. 219.

³ Аргументируя при этом преимущественно на уровне непосредственной идеологии, мы не оспариваем присутствия других пластов значения в романе.

⁴ Абсурдность экспроприации имущих в романе разъясняет и гражданин Недоделанный, рысака которого отдали бедняку Петьке. Поскольку он теперь стал бедняком, распускает старый дезертир Петька, у которого ни корма, ни знания в лошадях, то вынужден будет отдать ему жеребенка. «А... похотят ли бедняки-лошадники жеребят и телок нам питать», — спрашивает он «здравым смыслом».

⁵ Сталин И. К вопросам ленинизма // Сталин И. Сочинения. Т. 8. М., 1952. С. 37. По отношению к неровой паре Прокофий и Чепурный оправдывается критика Гурвича, что платоновский «идеал жизни — распустить город, распустить государство и пустить всех людей по миру» (Гурвич А. Андрей Платонов // Красная новь. 1937. № 10. С. 216).

⁶ Искусство в Чевенгуре, так же, как и, по высказыванию Платонова, в «Че-Че-О» (1928), является средством выражения дружеских чувств: Копенкин рисует для Дванова портрет Розы Люксембург, чтобы он тоже научился ее ценить, Дванов же, в свою очередь, сочиняет для своего друга биографию революционерки. Знаком выражения дружбы служат и глиняные скульптуры, которые представляют различных жителей города. Во втором, политически смягченном варианте «Че-Че-О» (Новый мир. 1928. № 12) Федор Федорович объясняет: «Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это труднее и нужнее всего». Коммунизм, по мнению автора, выражается в этом сближении людей. Изготовление вещей (предметов и пищи) при этом является необходимым условием, за которое государство должно нести ответственность. Об отказе от искусства в «Коммунизме Чепурного» свидетельствует сцена с поющей женщиной в котле, который катили в овраг: «Нам нужно сочувствие, а не искусство». См. также слова повествователя: «В Чевенгуре не было искусства...»

⁷ См.: Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982. С. 194; Золотоносов М. «Ложное солнце» («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 268.

⁸ Organisationsfragen der russischen Sozialdemokratie // Luxemburg Rosa. Politischen Schriften III. Frankfurt a M., 1968. С. 92.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же. С. 7, 105.

¹³ Ср.: «Вырубая по склонам леса, взбудораживая степной дерн, человек дает свободный скат весенним и ливневым водам с поверхности земли. Скатываясь, вода вымывает из распаханых степей полезные вещества, хлеб растений, и уносит эти вещества в реки, а потом в моря» («Человек и пустыня»).

¹⁴ В отличие от Геллера, утверждавшего, что чевенгурскую коммуну уничтожил отряд Красной Армии (см.: Указ. соч. С. 189), Золотоносов связывает разгром с усилением деятельности различных банд весной 1921 г. (см.: Указ. соч. С. 259). Интересно замечание Сергея Платоновича Климентова, который мальчиком, во время гражданской войны держал лошадей: «Красные приезжали, надо было держать лошадей, белые — надо было тоже. Они между собой ничем не отличались, только в идеологии, а наружность та же самая. Я держал всем лошадей» (С. П. Климентов, разговор с Р. Ходелем, 6/IV 1996 г. Санкт-Петербург).

¹⁵ Слово «солдат» в статьях о гражданской войне Платонов относит то к красным, то к белым. В статье «Красные вожди» мы читаем: «Красной армии нужны рабочие командиры, вожди полной революции, солдаты передовых наступающих цепей... Это солдаты последнего момента, последнего напора, кануна окончательной победы, ибо всякий солдат всякой белой армии по сравнению с ним волк против льва» (Красная деревня. 1920. 16 июня).

¹⁶ Ср.: «Парад. Черные чертики фотографии снимают пролетариат. Люди в полном облачении, т. е. галифе, нагане, коже и т. д. Устанавливают порядок, чтобы было приличное лицо у революции» («Душа человека — неприличное животное», 1921).

¹⁷ Яблоков Е. Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 20-х — начала 30-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 58.

¹⁸ *Luxemburg Rosa*. Указ. соч. С. 92.

Содержание

От редактора	3
--------------------	---

I. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

В. Распутин. СВЕТ ПЕЧАЛЬНЫЙ И ДОБРЫЙ	7
О. Павлов. ПОСЛЕ ПЛАТОНОВА	10
Р. Чандлер. ПЕРЕВОД И НУЖНОЕ ЖЕРТВОВАНИЕ	16
В. Отрошенко. ВСТРЕЧА В ТАМБОВЕ	20
П. Басинский. СКРИПАЧ НЕ НУЖЕН	24
А. Вяльцев. ЖИВУЩИЕ БЕЗ ПОМОЩИ	26
С. Федякин. СЛОВО ПЛАТОНОВА	33
В. Шаров. ОБ АНДРЕЕ ПЛАТОНОВЕ	39
А. Варламов. ТРЕТИЙ СЫН	42
И. Большев. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ	46
С. Небольсин. ПЛАТОНОВ — ПУШКИНИСТ	48
И. Клех. ПЛАТОНОВ. ФАЗЫ ПРОХОЖДЕНИЯ	51
В. Смирнов. «МАСТЕР ВСЕОБЩЕЙ ЖИЗНИ»	55
Й. Симата. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В ЯПОНИИ	62
Н. Ворожбит. ПЛАТОНОВ — ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ	68
В. Оноприук. ЧЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК	72
В. Ставропулу. ПЛАТОНОВ И ТЕАТР	79
Д. Давыдов. ИЗ ЗАМЕТОК ОБ АНДРЕЕ ПЛАТОНОВЕ	84
Л. Суровова. ДАР ПРИОБЩЕНИЯ	86
Э. Вари. ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ЗЕРКАЛЕ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	88
С. Бахтинова. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ	96
С. Корниенко. «НЕМЕЦ РУДОЛЬФ ПОД ЗЕМЛЕЙ ПОГУЛЯЛ...»: Рассказ «Неодушевленный враг» на уроках в 7 классе	103
А. Ливингстон. О ПЕРЕВОДЕ ПРОЗЫ ПЛАТОНОВА В АНГЛИЙСКИЕ СТИХИ	109

II. КОНТЕКСТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Н. Корниенко. НАСЛЕДИЕ А. ПЛАТОНОВА — ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	117
С. Семенова. РОССИЯ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ: Военные рассказы Андрея Платонова.....	138
Е. Мушченко. ИМЯ И СУДЬБА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ А. ПЛАТОНОВА	153
И. Сорокина. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЮМОРА В МИРЕ А. ПЛАТОНОВА.....	162
Л. Карасев. ВВЕРХ И ВНИЗ (Достоевский и Платонов)	168
Н. Малыгина. ДИАЛОГ ПЛАТОНОВА С ДОСТОЕВСКИМ	185
В. Коваленко. ЯЗЫК СВОБОДЫ У ДОСТОЕВСКОГО И ПЛАТОНОВА	201
Т. Дронова. МИФОЛОГЕМА «КОНЦА ИСТОРИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Д. МЕРЕЖКОВСКОГО И А. ПЛАТОНОВА.....	209
А. Казаркин. ПЛАТОНОВ И ЕВРАЗИЙСТВО	218
Т. Воротынцева. ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В «ЭФИРНОМ ТРАКТЕ» А. ПЛАТОНОВА И «РОКОВЫХ ЯЙЦАХ» М. БУЛГАКОВА.....	225
А. Лысов. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И ЛЕОНИД ЛЕОНОВ: КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РОДСТВО ИЛИ ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО?	230
С. Брель. КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПОЭТИКИ «ЖИВОГО — НЕЖИВОГО» А. ПЛАТОНОВА.....	239
Х. Уайт. ПЛАТОНОВ И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ: Заметки о современной структуре повести «Котлован»	246
К. Баршт. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: Публицистика 1920-х гг. и повесть «Котлован»	253
С. Гусев. АПОЛОГИЯ МАССОВОГО ПОЗНАНИЯ И ЦЕЛОСТНАЯ КАРТИНА ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА	262
Н. Полтавцева. ТЕМА «ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ» И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЛАТОНОВА.....	271
Т. Никонова. СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ОППОЗИЦИИ В ПОВЕСТИ «ЯМСКАЯ СЛОБОДА»	282
Я. Лохер. РАССКАЗ ПЛАТОНОВА «ТАКЫР» И ТЕМА ВОСТОКА.....	289
В. Крапивин. ИРАНСКИЕ ГРЕЗЫ: Арийская тема в творчестве Хлебникова и Платонова	296
Х. Гюнтер. ЛЮБОВЬ К ДАЛЬНЕМУ И ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ: Постутопические рассказы А. Платонова второй половины 1930-х гг.	304
А. Шестерина. «СДЕЛАТЬ СЧАСТЬЕ»: Об эволюции героя Платонова	313

Л. Фоменко. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РАССКАЗОВ А. ПЛАТОНОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.	318
А. Курилов. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. ПЛАТОНОВА.....	327
В. Славина. К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ИДЕАЛЕ А. ПЛАТОНОВА.....	333
Ю. Пастушенко. О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ОБРАЗА У ПЛАТОНОВА	339
А. Кулагина. ТЕМА СМЕРТИ В ФОЛЬКЛОРЕ И ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА.....	345
А. Эпельбоин. ПРОБЛЕМЫ ПЕРСПЕКТИВЫ В ПОЭТИКЕ А. ПЛАТОНОВА	358
М. Дмитриевская. АРХАИЧНАЯ СЕМАНТИКА ЗЕРНА (СЕМЕНИ) У А. ПЛАТОНОВА	362
Н. Кожевникова. ТРОПЫ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА	369
Л. Некрасова. ХАОС И СОЗИДАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А. ПЛАТОНОВА.....	378
М. Михеев. НЕПРАВИЛЬНОСТЬ ПЛАТОНОВСКОГО ЯЗЫКА: Намеренное косноязычие или бессильно-невольные «затруднения» речи?	385

III. АНАЛИЗ ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

Д. Московская. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА 1926–1927 гг.	395
С. Пономарева. «Я РОДИЛСЯ НА ПРЕКРАСНОЙ ЖИВОЙ ЗЕМЛЕ...»: Опыт комментирования мелиоративной практики А. Платонова	430
Л. Колосс. ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ КНИГИ «ГОЛУБАЯ ГЛУБИНА»	442
М. Гах. ЛИРИКА А. ПЛАТОНОВА: КОНТЕКСТЫ И ТЕКСТОЛОГИЯ	448
Е. Антонова. О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ ПРОЗЫ А. ПЛАТОНОВА 1926—1927 гг.	460
Л. Суматохина. ПЛАТОНОВ В РАБОТЕ НАД РАССКАЗОМ «ИВАН ЖОХ»	486
Е. Рожнцева. ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА 1927 г. («Епифанские шлюзы» и «Однажды любившие»)	492
И. Матвеева. ТАМБОВСКИЕ РЕАЛИИ В ПОВЕСТИ «ГОРОД ГРАДОВ»	503
Н. Ласкина. ЧЕЛОВЕК В БУМАЖНОМ КОСМОСЕ: О герое и материи в «Городе Градове»	510

Н. Хрящева. ПОВЕСТЬ «СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК». ПОЭТИКА СМЕХОВОГО РАЗДВОЕНИЯ	516
С. Нонака. К ВОПРОСУ О ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	523
Р. Ходел. ЧЕВЕНГУР И РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ	535
А. Евдокимов. СЕКТАНТСТВО И «ЧЕВЕНГУР»	542
О. Лазаренко. ПИСЬМЕННОЕ СЛОВО И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	548
А. Ливингстон. ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ «ЧЕВЕНГУР»	556
Н. Дужина. «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛЮДИ» (Проблемы текстологии пьесы «Шарманка»)	562
Т. Лангерак. ОЧЕРК «ПЕРВЫЙ ИВАН»: Опыт комментария	583
Е. Проскурина. МИСТЕРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»	591
О. Калениченко. МИФОЛОГЕМА СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ В ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»	600
В. Вьюгин. «ЧЕВЕНГУР» И «КОТЛОВАН»: Становление стиля Платонова в свете текстологии	605
А. Абуашвили. «КОТЛОВАН» И ОБРАЗЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ	625
Л. Дебюзер. ТАЙНОПИСЬ В РОМАНЕ «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»	630
Х. Костова. МОСКОВСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»	640
И. Макарова. ИСКУССТВО ПРИМИТИВА («Счастливая Москва»)	653
О. Капельницкая. МИФОЛОГЕМА «ЖЕНЩИНА-ГОРОД»: Культурная традиция и «Счастливая Москва»	666
О. Жунжурова-Фишерман. КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ «ДЖАН»	677
В. Скобелев. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА «ФРО»: Сюжеты героев и сюжет повествования	688
Е. Яблоков. ГОРОД ПЛАТОНОВСКИХ «ПОЛОВИНОК» («Пушкинский» подтекст в киносценарии «Отец-мать»)	700
К. Уокер. ЗАБОТА О МАЛОЛЕТНИХ КАДРАХ В «ИЮЛЬСКОЙ ГРОЗЕ»	710
В. Сабиров. РАССКАЗ «НИКОДИМ МАКСИМОВ» (К истории текста)	719
И. Спиридонова. ОПРАВДАНИЕ ПОДВИГА: Военные рассказы А. Платонова в контексте времени	723
М. Любушкина. «ТАЙНУЮ ДУМУ НЕ СКРОЕШЬ...»	732

IV. ХРОНИКА И АРХИВ

Н. Корниенко. ОТ «РОДИНЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА» К «ТЕХНИЧЕСКОМУ РОМАНУ», И ОБРАТНО: Метаморфозы текста Платонова 1930-х гг.	739
Андрей Платонов. РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Публикация М. Платоновой. Подготовка текста Н. Корниенко	745
Е. Антонова. А. ПЛАТОНОВ И ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 1923–1924 гг.	760
ХРОНОТОП «КОТЛОВАНА». ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТЕКСТА. Статья и публикация И. Долгова	769
А. ПЛАТОНОВ — ИНЖЕНЕР ТРЕСТА «РОСМЕТРОВЕС». Статья и публикация Е. Антоновой	787
РАССКАЗ «ЧЕРНОНОГАЯ ДЕВЧОНКА» И ЕГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ. Статья и публикация Е. Колесниковой	805
А. Галушкин. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ — И. В. СТАЛИН — «ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»	815
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В ПИСЬМАХ К АЛЕКСАНДРУ ФАДЕЕВУ (1946–1949). Статья и публикация В. Перхина	827

Из архива ФСБ России

«ДЕЛО» Г. З. ЛИТВИНА-МОЛОТОВА. Публикация Н. Корниенко	837
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В ДОКУМЕНТАХ ОГПУ-НКВД-НКГБ. 1930–1945. Публикация В. Гончарова и В. Нехотина	848
Андрей Платонов. ТЕХНИЧЕСКИЙ РОМАН. Публикация В. Гончарова и Н. Корниенко	885
Именной указатель	937